

РОССИЯ И МИР В 1920-е ГОДЫ. К 100-ЛЕТИЮ СБОРНИКА СТАТЕЙ Н. В. УСТРЯЛОВА «ПОД ЗНАКОМ РЕВОЛЮЦИИ»

В. К. Романовский

Нижегородский институт развития образования

Поступила в редакцию 10 июня 2025 г.

Аннотация: статья посвящена важному документу русской политической публицистики пореволюционной России. Раскрываются обстоятельства выхода сборника статей, определяются главные темы, анализируются ключевые процессы и тенденции нэповской России, европейской и мировой истории первых десятилетий XX в. Отмечается актуальность материалов сборника, важность авторских суждений и оценок для понимания особенностей пореволюционной эпохи.

Ключевые слова: Н. В. Устрялов, сборник статей, Россия 1920-х гг., Русская революция, кризис западной цивилизации.

Abstract: the article is devoted to an important document of Russian political journalism of post-revolutionary Russia. The author sheds light on the circumstances of the publication of the collection of articles; the main themes are defined, and the key processes and trends of NEP Russia, as well as the broader European and world historical context of the first decades of the twentieth century are analyzed. The relevance of the materials in the collection and the importance of the author's insights and evaluations for understanding the characteristics of the post-revolutionary era are highlighted.

Key words: N. V. Ustryalov, collection of articles, Russia of the 1920, Russian revolution, crisis of western civilization.

Летом 1925 г. в Харбине из печати вышел сборник статей Н. В. Устрялова «Под знаком революции» [1], вскоре появилось его второе издание [2]. На родине автора сборник переиздается лишь спустя многие десятилетия [3–5].

Об этой книге нет специальных публикаций. Между тем это значимый документ русской политической публицистики своего времени. Его материалы содержат суждения и оценки, важные для понимания особенностей нэповской России, острых проблем отечественной, европейской и мировой истории первых десятилетий XX в., которые и сегодня не теряют научной и общественной актуальности.

Автор сборника Николай Васильевич Устрялов получил известность в начале 1920-х гг. Кадет, публицист, идеолог омского режима, после его падения перебрался в Харбин, где провозгласил идеологию примирения с большевиками [6]. В письме к П. Б. Струве он сообщает, что занял на Дальнем Востоке «...позицию "национал-большевизма" (использование большевизма в национальных целях)» [7, с. 157]. Бывший колчаковец в эмигрантских кругах приобрел репутацию «соглашателя» и «приспособленца» [8; 9].

Для публициста же позиция примиренца означала сохранять «верность себе». Основой политическо-

го мировоззрения Устрялова были этатизм и патриотизм, главными ценностями – Россия, ее государственность [10, с. 69–78, 217–219]. Патриот, по его мнению, руководствуется принципом «благо государства – высший закон». Ему разрешается многое, «неподвижен лишь принцип родины» [6, с. 19]. Политика «вообще не знает вечных истин», при необходимости «вчерашний враг становится другом и наоборот» [там же, с. 18–20, 57].

С разгромом Колчака, считает Устрялов, «национальные»¹ основания продолжения гражданской войны отпадают, программу белых осуществляют большевики, собирая русские земли в единое государство. Примирение с ними необходимо во имя сохранения и возрождения державы и в целях эволюционного изживания самого большевистского режима. Его перерождение уже началось, и «наша... задача – способствовать этому процессу» [там же, с. 5, 10, 11].

У инициатора примирения появились единомышленники – авторы сборника статей «Смена вех» (Прага, 1921) [11]. После его выхода возникло сменовеховское движение. Однако сменовеховцы Европы начали стремительно «леветь» и в считанные годы перешли на советскую платформу.

Изданием сборника статей «Под знаком революции» лидер «дальневосточных» сменовеховцев стремился доказать жизнеспособность сменовеховства, его идеологии и практики. «Одним из побудительных

© Романовский В. К., 2025

¹Здесь и далее выделено автором статьи

мотивов появления в печати настоящей книжки, – пишет Устрялов в первом предисловии к изданию, – было желание напомнить о первоначальном, неискраженном "мимикрией" и посторонними "уклонами" облике этого общественно-политического течения. "Сменовехизм"... продолжает идейно жить, и... обретает новые речительства своей жизненности» [2, с. 111V].

Сборник статей включает два раздела. Первый («Национал-большевизм. Статьи политические») посвящен анализу пореволюционной России; второй («Русские думы (очерки философии эпохи)» – проблемам современной эпохи.

Материалы сборника начинаются с объяснения причин появления идеологии «смены вех». Путь «белой» борьбы, по словам автора, «воплощался во всероссийском фронте Колчака», но «оборвался падением Омска...» [там же, с. 22]. «Национальное дело» оказалось в руках красной Москвы, поэтому «во имя государства» необходимо идти на примирение «с властью..., нам чуждой». Гражданская война истощает страну, «разжигает» планы иностранцев. Путь примирения «требуется... интересами страны» [там же, с. 13–15]. Идеология национал-большевизма «порождена приятием результата нашей гражданской войны... в связи с ликвидацией белого движения». Другие события (польская война и пр.) лишь укрепили «нашу позицию» [там же, с. 50–51].

Важная тема сборника – эволюция советской власти. Большевики, по словам автора, не отказывались от своей программы, но совершали шаги, чуждые большевизму. «Москва жертвует коммунизмом... лишь на время, лишь тактически». Но став на путь уступок, советская власть оказалась «увлеченной их логикой» и «возвращение на старые позиции... невозможно». Эволюция большевизма, уточняет Устрялов, «есть эволюция его политики, а не его философии». Но большевизм, переставший ориентироваться на «немедленный коммунизм», не являлся уже прежним большевизмом. «*Эволюция тактики в основном хозяйственно-государственном вопросе есть эволюция большевизма*», – заключает публицист [там же, с. 28–30, 74–76].

Подтверждением эволюции большевизма для Устрялова является наступление Термидора в стране. В основе его термидорианской концепции – установка о сходстве французской и русской революций (с периодами их нарастания, апогея и спада). Термидор во Франции проявлялся, по его словам, в снижении «темпов революции» и «*эволюции якобинизма*». Аналогичный процесс наблюдался и в русской революции. В стране начался «спуск на тормозах» революции, она «эволюционировала» с теми же большевистскими руководителями, которые вступили на путь Термидора после Кронштадта. Русский Термидор,

отмечает автор, проявляется «в перерождении тканей революции», в приспособлении ее лидеров к периоду «отступления». Но в отличие от Франции Термидор в России «будет... длиться годами и проходить под знаком... советской власти» [там же, с. 41–46, 62, 77].

Нэп – центральная тема сборника. Нэповская политика, отмечает Устрялов, отражает переход революции к эволюции и противоположна прежнему курсу. «Немедленный коммунизм» сменился частной собственностью и госкапитализмом, лозунг мировой революции – сотрудничеством с мировым капиталом, воинствующий атеизм – компромиссом с церковью, политика интернационализма – патриотическими настроениями [там же, с. 67–68]. Нэповская Россия похожа на редиску, она «извне – красная, внутри – белая». Внешне в стране все было созвучно курсу большевиков (партийные собрания, красные знамена и др.), но ее внутренняя жизнь возвращалась в нормальное русло. «Старое» перерождалось в «новое»: «*новая аристократия, новая буржуазия, новая бюрократия*». «Редисочный» облик государственности обеспечивал переход страны к нормальным формам хозяйствования [там же, с. 36–37, 39].

Нэп, по словам автора, вел к созданию в стране новых социальных связей, противоположных коммунизму, и власть от них «в зависимости». Их основой являлся крестьянин – «...*действительный хозяин русской земли*» после революции. От него зависело оздоровление деревни, он был нужен городу. И власть его поддерживала: организовывала кредит, поощряла все формы землепользования и пр. [там же, с. 118, 147–149, 210, 211]. В стране формировалась «новая буржуазия», утверждалось новое поколение хозяйственников, рабочих, кооператоров, вышедших из революции [там же, с. 122, 166]. Изменения в экономической и социальной областях отражались на сферах политической и правовой. Ликвидировалась ВЧК, принимались новые законы [там же, с. 76–77, 97, 105, 115]. Нэп и его последствия беспокоили коммунистов, но логика жизни «сильнее слов». Революционная Россия превратилась в «собственническую страну» [там же, с. 120, 121]. Публицист считает: «...или революционная власть будет постепенно наполняться новым содержанием, или ей придется *вовсе уйти*» [там же, с. 68].

Важное место в суждениях Н. В. Устрялова занимала тема будущей России, ее исторической миссии. Русская политическая эмиграция будущее Отечества видела без большевиков [12, с. 434–435]. Устрялов связывает грядущую Россию с силами, вышедшими из революции. Но в ней формы общественного устройства должны были соответствовать содержанию национальной жизни, державному инстинкту. «Суть дела для меня, – пишет он, – все-таки... в поддержании народной жизни, характере народных пере-

живаний, устремлениях национальной культуры. Необходима *органичность* государства, утрачиваемая Западом...» [2, с. 133]. Политические и экономические основы державы должны быть проникнуты «культурно-национальными, *органическими* началами...» [там же, с. 134]. В ней не должны господствовать меркантилизм и прагматизм, убивающие духовное в человеке. Русская история творилась и русская мысль созидалась не для того, чтобы появилась «вторая Америка». Перед родиной стоит «великая задача духовного самосознания», «в сфере техники, "цивилизации"», «в царстве духа, в мире "культуры"» [там же, с. 134, 177, 322].

Автор сборника стремится раскрыть «подлинное лицо» сменовеховства. Сменовеховцы руководствуются патриотизмом, принимают революцию, признают советскую власть, поддерживают нэп, готовы помогать возрождению страны. Но они не разделяют программу большевиков, не верят в коммунизм. Им чужды классовая идеология и идея мировой революции. «Мы – с вами, но мы – не ваши», – заключает Устрялов [там же, с. 70–72]. Однако сторонники движения в Европе заявляли о готовности примириться «с коммунизмом» [13, с. 7]. Из Харбина вновь зазвучали призывы «сохранять собственный облик» [2, с. 134]. Но сменовеховские издания Европы открыто солидаризировались с большевиками, после чего Устрялов признает: журнал «Смена Вех» и газета «Накануне» есть «не что иное, как "размен вех"» [там же, с. 192].

Из Харбина внимательно наблюдали за противоречивыми тенденциями в большевистском руководстве, дискуссиями между сторонниками и противниками нэпа с трибун партийных съездов. Устрялов с опасением обращал внимание на тех делегатов, которые стремились «наладить хозяйство страны, не жертвуя... "октябрьской программой"», и с интересом следил за сторонниками нэповского курса и активного сотрудничества с внешним миром в руководстве ВКП(б). Противоречивые тенденции в партийных кругах не лишали его оптимизма. Весной 1924 г. он пришел к выводу: «Ошибки исправляют и поучают. Во всем народе... пробуждена воля к миру, к труду... *Страна готова к нормальной жизни*» [там же, с. 152, 155–158, 182–183, 188].

В сборнике поднимается проблема отношения эмигрантов к родине. По словам Устрялова, соотечественникам на чужбине не следует злорадствовать по поводу происходящего в советской стране, «изрыгать хулы... на большую родину и на ее нынешнюю... власть». Надо повернуться лицом к своей отчизне, помогать примирять ее с миром. «Нужно, – предлагает автор, – ... *полюбить* Россию... такую, какая она есть. Полюбить не на словах, ... а на деле». Именно такую позицию занимали сменовеховцы за рубежом [там же, с. 62–65].

Во второй части книги раскрываются актуальные и масштабные процессы новейшей мировой истории. Для Устрялова очевидно, что после 1917 г. Россия и весь мир развиваются «под знаком» русской революции. Он отвергает эмигрантские утверждения, что русская революция – «зло», «стихийное» и неоправданное явление [12, с. 211]. По его словам, она «глубоко закономерна, исторически predetermined» всем прошлым развитием страны и «порочное наследство» могло быть уничтожено «лишь катастрофой». Начавшийся русский бунт «лишь к ноябрю 1917 года» превратился «в великую революцию» [2, с. 89, 111, 128, 129, 137, 321]. Автор отмечает национальный характер русской революции и выделяет в ней «разрушительный» (интернациональный) и «созидательный» (национальный) этапы. До весны 1921 г. в стране насаждалась утопическая система «военного коммунизма» и центральными были планы мировой революции. После Кронштадта национальные задачи стали главными, и Россия начала выстраивать цивилизованные отношения с внешним миром [там же, с. 75–77, 112–115, 253–254, 257].

Эмигрантская интеллигенция заявляла о «благодетельной февральской» революции и «злостной октябрьской», за которую она не в ответе [14, с. 400]. Устрялов убежден, что русская интеллигенция несет ответственность за все проявления «русского кризиса». У нее с большевизмом «общие корни», связанные с историей русской общественной мысли [там же, с. 248]. Он подчеркивает всемирный характер русской революции, которая «яростно разрубила ряд гордых узлов» и поставила перед Россией и миром «целый рой огромных и жгучих исторических проблем». Русская революция стала «стимулом исторического прогресса» [там же, с. 111–112, 389–390].

Согласно автору, главным содержанием новейшего времени является смена эпох. Эпоха стихийного капитализма, расцвета парламентаризма, веры людей в демократию, борьбы наций за национальный суверенитет сменяется новым периодом. Для него характерны эволюция капитализма, кризис демократии и парламентаризма, рост этатистских настроений, появление вождизма и диктаторских режимов, усиление интеграционных процессов в мире. «...Мы живем на... перекрестке эпох», – приходит к выводу Устрялов [там же, с. 358–359].

Мировая война выявила «глубокие недуги европейской цивилизации» – слабость демократии, государства, права, религии, веры [там же, с. 359–360]. Европейские общества и государства «становятся ломкими и хрупкими». Развитие просвещения не сопровождалось укреплением нравственности, возрастали личный эгоизм, вражда между классами. Европа старалась предотвратить катастрофу, опираясь на демократические институты, что влекло за собой не-

определенность общественных настроений, неустойчивость парламентов. У Европы нет «уверенности в завтрашнем дне» [там же, с. 361–362].

Глубинные причины слабости европейских государств Устрялов видит в кризисном состоянии культуры, ослаблении духовных основ Старого Света. Человек теряет «бесценный дар веры». Для него власть перестает быть авторитетной [там же, с. 365–367]. Напротив, замечает автор, Россия «чужда... упадническим веяниям, от коих задыхается Запад», ибо русская революция «вскрыла в русском народе огромный запас духовных сил» [там же, с. 364].

Духовный кризис в Европе сопровождался ниспровержением демократических ценностей, кризисом западного конституционализма, усилением тяги широких масс к сильной, диктаторской власти [там же, с. 264]. Эти тенденции обусловлены трансформацией облика современного человечества. «Индивидуализм XIX века...», – отмечает Устрялов, – переходит в «этатизм XX-го». Возрастают функции государства во всех сферах, «изжил себя» экономический либерализм. «Сама жизнь... выдвигает... волевою, ударную власть», способную справиться «с задачами... современного государства» [там же, с. 265, 271]. Народные массы не верили в парламенты. Желая спокойствия и порядка, они уступали власть «инициативному меньшинству» под руководством вождя, «отсюда – культ Ленина в России, Муссолини в нынешней Италии» [там же, с. 268–269]. Диктаторская власть создавалась самим народом. «Рождается, – по словам Устрялова, – ...власть народная, но не демократическая... Вышедшая из масс, но массы прибирающая к рукам... На языке историков, любящих аналогии, уже вертится назойливая этикетка: *Цезаризм...*» [там же, с. 269]. Этот процесс происходил законным путем. Парламенты устанавливали недемократическую власть во главе с вождем – в Италии, Германии, Венгрии. В этих и других странах «парламентаризм... втопан в грязь...». Цезаристская власть, считает исследователь, будет оставаться фактором мировой истории в наступившем столетии [там же, с. 270, 282].

Устрялов видит прямую связь между кризисом демократии и наступлением диктатур. Демократическая власть не смогла сберечь народы от войн и кризисов, лишила людские души былой органичности. Она сама себя дискредитировала, усиливая социальное неравенство, расширяя функции государства, превращая свободу из права в обязанность. «Политику, – по словам автора, – делает инициативное меньшинство... Реальная власть концентрируется в исполнительных структурах» [там же, с. 273–277, 278].

На страницах сборника актуализируется проблема соотношения национального и интернациональ-

ного факторов в современном мире. По словам автора, интеграционные процессы в XX столетии обострили вопросы о судьбах наций, национальных государств и самобытных культур. В мире динамично развиваются национальные движения. «Рядом с процессом международного объединения... совершается оформление... национальных идей. Параллельно интеграции идет дифференциация» [там же, с. 374]. Глобализация международной жизни, по мнению Устрялова, есть проявление объективных тенденций. Международные связи с каждым десятилетием становятся теснее, а взаимозависимость государств возрастает [там же, с. 169–170].

Но интеграционные процессы, заявляет автор, не принижают значения национального фактора в жизни человечества, не ведут к потере национальных, культурных особенностей народов. «Превращение мира в одно хозяйственное целое еще далеко не убивает ни национальных культур, ни национальных особенностей. *Интернационал, по самому смыслу этого термина, – утверждает он, – есть не уничтожение наций, а только установление постоянной и положительной связи между ними*» [там же, с. 171–172].

Процесс сближения и взаимообогащения различных социальных общностей, по словам Устрялова, «не может парализовать работы по уяснению "ликов" отдельных национальных культур и тем более стремления к собственному национальному самознанию». «В доме Отца обитателей много, – утверждает мыслитель, – и каждый народ призван заботиться прежде всего о своей обители. Украшая ее, он совершенствует весь "дом Отца"». Не должно также отсекаться от общечеловеческих начал и ценностей, отдаваясь служению своей стране, но «общечеловеческие начала не исключают, а... предполагают национальное служение» [там же, с. 171–173].

Материалы сборника статей «Под знаком революции» оказались едва ли не в центре внимания большевистских лидеров накануне XIV партсъезда [15; 16]. Считая опасными суждения и оценки «классового врага» из Харбина, в октябре 1925 г. последовало решение руководства РКП(б): «Воспретить издание книжки Устрялова...» [17, л. 5].

В заключение отметим, что в сборнике статей «Под знаком революции» раскрывается трактовка общественных процессов и явлений, происходивших в России и мире в 1920-е гг. Согласно Устрялову, советская Россия развивалась в соответствии с его прогнозами и установками пражского сборника «Смена вех». Большевики проявляли готовность решать национальные задачи и идти на тактические уступки. Национал-большевизм – идеологическая платформа сменовеховства, позволяла русским патриотам включиться в процесс возрождения родины.

Нэп отражал наступление Термидора, смену революции эволюцией и перерождение большевистского режима. В стране утверждались буржуазные принципы хозяйствования, развивались новые социальные связи, противоположные коммунизму. Эти изменения отражались на сферах политической и правовой. Советская Россия превращалась в «буржуазную» страну. На этом пути она не должна была стать «второй Америкой», а была призвана сохранить свои духовные начала, национальную душу, державный инстинкт и обогатить мир техническими и культурными достижениями.

Россия и мир, по мнению автора, развивались «под знаком» русской революции. Она изменила облик отечества и оказала огромное влияние на мировое развитие. Значительно повлияла на судьбы человечества Мировая война. Она вскрыла пороки и слабость социальных институтов и ценностей и вызвала смену эпох в мировом развитии. Это особенно характерно для Европы, переживавшей кризис демократии, культуры, сознания и веры. Массы были разочарованы в демократических институтах и ценностях, которые не сберегли их от войн и кризисов, и стремились найти защиту у сильного государства, вождей и диктаторских режимов. Цезаристская власть утверждалась демократическим путем и становилась фактором мировой истории.

В современной эпохе Устрялов выявил важную особенность: наряду с усилением интеграционных процессов между странами и народами наблюдались динамичное развитие национальных идей и рост национальных движений в мире. Но интеграционные процессы, по его мнению, не угрожали развитию народов, а способствовали более прочным связям между ними.

Нельзя не отметить, что многие общественные процессы в России оказались далеки от устряловских начертаний: реализация нэповского проекта и его судьба, процесс перерождения советской власти, стремление «встроить» сменевеховство в советскую действительность.

Но ряд суждений и прогнозов Н. В. Устрялова оказались верными. Это касается его трактовки причин, характера и мирного значения русской революции, трансформации РКП-ВКП(б) из партии «мировой революции» в партию, отстаивающую национальные интересы России/СССР. Воплотился в жизнь авторский прогноз о падении советской власти, если она не будет «наполняться новым содержанием». Актуальны его суждения о возрастании роли государства, эволюции капитализма, нарастании глобализации в мире, авторские оценки кризиса западной цивилизации и диктаторских режимов, которые станут фактором мировой истории XX в.

Некоторые авторские мысли и положения сохраняют общественную актуальность для современной России: интересы отечества превыше партийных установок; каждый народ призван заботиться прежде всего о своей родине, обустроивая ее, он совершенствует мир в целом; общечеловеческие начала не исключают, а, напротив, предполагают национальное служение; соотечественники могут принести пользу родине, формируя о ней позитивное мнение в странах проживания.

Сборник «Под знаком революции» Н. В. Устрялова пронизан идеями патриотизма, верой в Россию, надеждами на преодоление трудностей и восстановление могущества и процветание российской державы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Устрялов Н. В. Под знаком революции : сб. ст. / Н. В. Устрялов. – Харбин : Русская жизнь, 1925. – 354 с.
2. Устрялов Н. В. Под знаком революции : сб. ст. / Н. В. Устрялов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Харбин : Полиграф, 1927. – 415 с. Все ссылки в статье указаны по этому изданию.
3. Устрялов Н. В. Национал-большевизм / Н. В. Устрялов. – М. : Эксмо, 2003. – 654 с.
4. Устрялов Н. В. Избранные труды / Н. В. Устрялов ; сост., авт. коммент.: В. Э. Багдасарян, М. В. Дворковая ; авт. вступит. ст. В. Э. Багдасарян. – М. : РОССПЭН, 2010. – 888 с.
5. Устрялов Н. В. Под знаком революции. Национал-большевизм. Избранные статьи 1920–1927 гг. / Н. В. Устрялов ; ред.-сост. М. А. Колеров. – М. : Издание книжного магазина «Циолковский», 2017. – 400 с.
6. Устрялов Н. В. В борьбе за Россию : сб. ст. / Н. В. Устрялов. – Харбин : Окно, 1920. – 82 с.
7. К истории национал-большевизма : письмо Н. В. Устрялова к П. Б. Струве (1920) // Россия и реформы : сб. ст. Вып. 3. / сост. М. А. Колеров. – М. : [б. и.], 1995. – С. 155–158.
8. Карташов А. В. Истоки соглашательства : (письмо из Парижа) / А. В. Карташов // Новая русская жизнь. – 1921. – 12 марта.
9. Пасманик Д. С. Приспособление, или протест? (по поводу кн. проф. Устрялова / Д. С. Пасманик // Общее дело. – 1921. – 3 марта.
10. Романовский В. К. Жизненный путь и творчество Николая Васильевича Устрялова (1890–1937) / В. К. Романовский. – 2-е изд. – М. : Русское слово, 2009. – 606 с.
11. Смена вех : сб. ст. / Ю. В. Ключникова [и др.]. – Прага : [б. и.], 1921. – 155 с.
12. Омельченко Н. А. В поисках России. Общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности / Н. А. Омельченко. – СПб. : Изд-во РХГИ, 1996. – 549 с.
13. Ключников Ю. Из переписки / Ю. Ключников // Смена вех. – 1921. – № 5. – С. 1–10.

14. Ландау Г. Революция и смута. Социологический опыт / Г. Ландау // Русская мысль (Берлин–Прага). – 1923–1924. – Кн. IX–XII. – С. 399–424.

15. Зиновьев Г. Е. Философия эпохи / Г. Е. Зиновьев. – Л. : Прибой, 1925. – 24 с.

16. Бухарин Н. А. Цезаризм под маской революции (по поводу книги проф. Н. Устрялова «Под знаком революции») / Н. И. Бухарин. – М. : Правда, 1925. – 45 с.

17. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 596.

*Нижегородский институт развития образования
Романовский В. К., доктор исторических наук, стар-
ший научный сотрудник кафедры истории и общество-
ведческих дисциплин*

E-mail: vkroman@mail.ru

*Nizhny Novgorod Institute of Education Development
Romanovskii V. K., Doctor of Historical Sciences, Senior
Researcher of the History and Social Sciences Department
E-mail: vkroman@mail.ru*